

**Георгий
Комиссаров**

W W II

ВОЙНА

разгром Европы

**Цикл "Посланник
МИД"**

книга девятая

Георгий Комиссаров

WW II Война, разгром Европы

<https://litres.ru/73262242>

SelfPub; 2026

Аннотация

1940 год

Гитлеровская Германия продолжает вторую мировую войну и планирует напасть на страны Западной Европы.

Под угрозой вторжения оказались Дания, Норвегия и Швеция. В штабе Вермахта готов план захвата Бельгии, Голландии, Люксембурга, Франции и Британии. Готовится план нападения на СССР. Главный герой оказался в самой гуще событий. Раздобыл ценную информацию. Сможет ли он помешать этим планам, войдя в контакт с де Голлем и Черчиллем и выиграть битву за Францию и Британию? А главное, удастся ли ему оттянуть нападение Третьего рейха на СССР ещё на год?

Об этом данная книга.

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Для обложки использованы кадры из документального фильма «Вторая мировая. День за днём».

Содержание

Вступление	4
Глава 1	34
Глава 2	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Георгий Комиссаров WW II Война, разгром Европы

Вступление

Июль 1941 года, гитлеровская Германия

Наконец то мы вырвались из нашего заточения в Берлине в самом начале страшной войны.

Когда наш поезд тронулся, многие не сдерживали своих чувств и плакали... хотя ещё всё не закончилось.

Дипломатам и сотрудникам посольства предоставили спальные вагоны с мягкими двухместными купе.

Остальные советские граждане, которых нам удалось чудом выволить из лап фашистов, ехали в общих сидячих вагонах третьего класса, причем в каждом купе размещалось по восемь-десять человек.

Так, полуодетые, они и были погружены в общие сидячие вагоны специального состава, который, как нас заверили немцы, должен был следовать за поездом с советскими дипломатами.

В 4 утра 3 июля меня разбудил наш «маркони», как мы все звали главного радиста нашего полпредства.

- Товарищ Козырев, проснитесь, - тряс он меня, шепча на ухо:

- Левитан говорит...

От этих слов с меня сон как рукой сняло.

Я схватил протянутый мне наушник. В нём я услышал очень далёкий, но чёткий голос, который нельзя было ни с кем спутать.

Мне удалось услышать конец фразы: «... товарищ Сталин».

- Что значит «товарищ Сталин»? - спросил я тихо у радиста.

- Левитан сказал, что сейчас будет выступать Сталин, - прошептал мне тот.

Это конечно было чудо, что вот прямо посреди фашистской Германии, во время самой безжалостной войны, мы, советские люди могли услышать «голос Москвы».

Конечно же когда мы покидали наше берлинское полпредство, то гестаповцы строго следили, чтобы мы не уволокли с собой и радиолу, с помощью которой регулярно слушали сводки Совинформбюро и передачи Лондонского Би-Би-Си. Из которых могли почерпнуть правду о происходящем, а не полагаться на гебельсовскую пропаганду.

Но нашему «маркони», при моём содействии, удалось из отдельных деталей собрать компактный приёмник, о существовании которого знал только я и он.

Я же специально так устроил, что нас поселили с ним в

одном двухместном купе, и теперь он был моими «ушами, направленными в мир».

Так же было чудом и то, что он страдал бессонницей и в 4 утра по средневропейскому времени не спал, а слушал эфир.

В Москве было уже 6 утра и начинала свою работу главная радиостанция Советского Союза.

Пока была пауза в передаче, я и он вооружились карандашами и блокнотами, чтобы записать речь Сталина.

С начала войны прошло более 10 дней... Уже столько всего случилось плохого, а наш самый главный руководитель СССР ещё не выступил.

Конечно, по общемировой иерархии он «всего лишь» руководитель Партии, а не Президент или Премьер-министр.

С этой точки зрения у нас всё было хорошо – в первый же день войны выступил Молотов, который и являлся официально главой правительства СССР.

Но все ждали Сталина и искренне недоумевали от чего он молчит?!

Но вот в наушнике раздалось лёгкое покашливание и приглушённый, чуть с хрипотцой, знакомый всем голос Вождя советского народа заговорил:

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии

на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается.

Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы.

Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины.

Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь.

Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов?

Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет!

История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало.

Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками.

Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но

она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками.

То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление.

И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных – для советских войск.

Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам.

Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила

пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей.

Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп?

Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет!

Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами.

Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году.

Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения?

Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп.

И это, конечно, при одном неременном условии – если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства.

Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении?

Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту.

Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР?

Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора.

Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии клеймят веро-

ломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом – германским фашизмом.

Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией.

Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь Советской земли.

В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов Храбрость воинов Красной Армии беспримерна.

Наш отпор врагу крепнет и растет.

Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война

коренным образом изменила положение.

Враг жесток и неумолим.

Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом.

Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов.

Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей.

Великий Ленин, создавший наше государство, говорил,

что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага.

Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние.

Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь Советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив ин-

тересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам.

Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов.

Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации.

Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, не смотря на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба, ни литра горючего.

Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы.

Все ценное имущество, в том числе цветные металлы,

хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджогов лесов, складов, обозов.

В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной.

Она является не только войной между двумя армиями.

Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск.

Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма.

В этой освободительной войне мы не будем одинокими.

В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками.

Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борь-

бой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы.

Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера.

В этой связи историческое выступление премьера Великобритании господина Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы.

Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом.

Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом.

Поднимутся миллионные массы нашего народа.

Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии.

В каждом городе, которому угрожает опасность наше-ствия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР,

для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве.

Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина - Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы - на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа - на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!»

На этом Сталин закончил свою речь. Но я и радист ещё какое то время сидели нешелохнувшись. Такой проникновенной она была.

Сразу после выступления Вождя снова заговорил Левитан. Будничным, но строгим голосом он сообщил, что созданный Государственный Комитет Обороны, сокращённо ГКО, возглавил товарищ Сталин. Который до этого возглавил и Ставку верховного командования РККА. Таким образом и военная и гражданская власть полностью сконцентрирована в одних руках - Генерального Секретаря ВКП(б) Иосифа Виссарионовича Сталина.

После этого сообщения как то полегчало на душе.

- Ну, что «маркони», ещё повоюем?, - сказал я радисту.

Тот заулыбался, и мы стали сверять наши записи, пока были свежи впечатления от услышанного.

Затем переписав выверенный текст речи Сталина, стали с ним думать, как её распространить, чтобы не засветить наличие у нас приёмника.

Радист мне не задавал вопросов: «почему нельзя о нём говорить?», «почему не сказать о нём только Деканозову?», и так далее. Парень был сам из структур, где и лишних вопросов не задают и лишнего не болтают. «Старший приказал – значит так надо!» - был такой у них лозунг. А то, что я и есть самый главный во всей нашей компании, у «маркони» сомнений не вызвало.

Решение, как повернуть дело, пришло само собою. Поезд наш двигался с частыми остановками. К нему подходили разные люди. Некоторые, как например, станционные смотрители или путейцы, по своим обязанностям, а некоторые от любопытства. Последних конечно охрана отгоняла, но без энтузиазма.

Поэтому я решил представить всё, как «акцию немецкого подполья». То есть кто-то неизвестный подбросил текст на немецком, а я его перевёл и записал.

В общем - прокатило.

Деканозов тут же развил бурную деятельность по распространению текста речи Сталина среди пассажиров поезда.

А я выступил с инициативой пронести её ещё и в эшелон специального состава с советскими гражданами не име-

ющими дипстатуса, который, как нас заверили немцы, должен был следовать за нашим поездом.

Мне было поручено Деканозовым отправиться в вагон представителя протокольного отдела германского МИДа барона Шольца, который сопровождал нас на всем пути, как и большая группа вооруженных до зубов эсэсовцев, и договориться об инспекции специального состава.

Барон фон Шольц - высокий, поджарый пожилой человек с моноклем в правом глазу - был чрезвычайно любезен. Выслушав меня, он сказал, что немедленно даст распоряжение.

И действительно, меня разыскал фельдфебель и предложил сойти с поезда и подождать с ним нужный мне состав.

Конечно, риск был. Я покидал дипломатический поезд и оказывался на территории врага без всякого иммунитета.

Но я пошёл на это.

Мы с ним прошли в здание полустанка, даже скорее депо разъезда и там расположились в помещении отдыха дежурной смены.

Мой сопровождающий был не разговорчив, да и я не был расположен к беседе.

Так просидев в молчании около часа, наблюдая в окно как вначале ушёл мой состав, а за ним прошло ещё несколько грузовых, когда наконец вошёл путеец и сообщил о прибытии нашего поезда, состоявшего из вагонов третьего класса.

Когда он остановился и вышли охранники, мой сопровождающий показал им бумагу и пояснил с какой тут мы целью.

Капитан командир охраны лениво махнул нам рукой, что означало видимо «делайте что хотите».

Фельдфебель остался снаружи, а я поднялся в первый вагон этого поезда и начал инспекцию, переходя из одного вагона в другой.

Условия в поезде интернированных были очень тяжелые. Люди терпели неудобства, прежде всего из-за страшной скученности.

Один мог прилечь только тогда, когда остальные трое, располагавшиеся на этой же скамейке, стояли.

Питание было крайне скудное.

Нельзя сказать, что это меня удивило или потрясло. Я знал, что прямо сейчас миллионы моих соотечественников оказались в ещё худших условиях, находясь в окружении, на оккупированной территории, или вообще уже попав в плен.

Но дело я своё делал... Фиксировал все недостатки и записывал жалобы. Попутно выявил нескольких активистов, и незаметно передал им тексты речи Сталина, с заданием тайно дать прочитать только проверенным лицам, а остальным пересказать устно.

После окончания инспекции, мы с фельдфебелем отправились на моторизованной дрезине управляемой путейцем догонять наш поезд.

По прибытии я доложил Деканозову.

Ожидаемо, условия в поезде интернированных его не волновали. Он только и спросил, удалось ли мне распространить

речь Сталина? После моего удовлетворительного ответа, он потерял к этому интерес.

Но я не оставил этого дела и снова отправился к барон фон Шольцу и потребовал от него, чтобы состав с интернированными советскими гражданами шёл сразу за нашим, чтобы у меня была возможность следить за ситуацией там.

Так же я изложил ему наши требования по улучшению условий.

Первое моё требование он обязался выполнить немедленно, а вот с остальным... тоже обещал, но не выполнял.

Так я сделался главным переговорщиком с этим бароном. Тем временем наши поезда следовали по своему маршруту...

Из-за отсутствия теплой одежды многие в спецсоставе интернированных простудились: временами - особенно при переезде через Альпы - в вагонах было очень холодно.

Маршрут поезда пролегал через Прагу, Вену, Белград, Софию, и в каждой из этих столиц в поезд для дипломатов подсаживались советские граждане из персонала консульств и других советских представительств, а в состав с интернированными - командированные в эти страны специалисты.

За всё это время люди еще больше похудели, одни были простужены, другие страдали от желудочных заболеваний.

Никакой медицинской помощи им не оказывали.

Только после моих настойчивых требований посольскому врачу разрешили посетить и осмотреть больных.

Питание было ужасного качества.

То, что было нами закуплено в Берлине, разграбили гестаповцы. В дороге они продавали нам же наши советские папиросы в 10-15 раз дороже.

На всем протяжении пути был установлен жестокий полицейский режим, и хотя поезда двигались медленно, с остановками на день или два, выходить из вагонов не разрешалось.

Но всё же мы двигались к свободе и это всех окрыляло!

Согласно достигнутой ранее договоренности обмен осуществлялся в следующем порядке: советская колония должна была перейти из Болгарии в Турцию, а немецкая - из Советского Закавказья также на турецкую территорию.

Это должно было произойти одновременно и под наблюдением посредников. Но когда мы проехали Югославию и были уже на болгарской территории, представитель протокольного отдела германского МИДа барон фон Шольц сообщил нам, что получил из Берлина указание производить обмен не на болгаро-турецкой, а на югославо-болгарской границе.

- Ведь Болгария, - сказал он, - не является оккупированной страной, она находится в союзе с Германией.

Поэтому, по логике фашистов, переезжая в Болгарию, советская колония покидает контролируемую рейхом территорию.

Поскольку, однако, поезд с германскими представителя-

ми, эвакуирующимися из Москвы, еще не прибыл на советско-турецкую границу, оба состава с советскими гражданами не будут следовать дальше.

Их возвращают назад, в югославский город Ниш, где они будут находиться в ожидании дальнейших указаний...

Мы заявили протест, но практически ничего не могли поделать.

Вскоре поезд остановился на каком-то полустанке, паровоз прицепили с противоположной стороны, и состав двинулся в обратном направлении.

На подъездных путях всех станций к приходу нашего поезда выстраивались вооруженные эсэсовцы.

Они же нас встретили и по прибытии в Ниш. Эсэсовцы, как обычно, стояли лицом к поезду, расставив ноги, в касках и с автоматами на груди.

А за их спиной югославские железнодорожники потихоньку приветствовали нас, махая красными флажками.

В Нише наш состав загнали на запасной путь. Выходить из вагонов не разрешали.

Вскоре мы узнали, что в Ниш прибыл и второй состав с советскими гражданами.

Его пассажиров из вагонов переправили в концентрационный лагерь, расположенный в помещении старой казармы.

Только через несколько дней мне и еще двум сотрудникам посольства разрешили навестить интернированных в этом лагере.

За пять дней пути люди еще больше похудели, одни были простужены, другие страдали от желудочных заболеваний.

Никакой медицинской помощи им не оказывали. Только после моих настойчивых требований посольскому врачу решили посетить лагерь и осмотреть больных.

Мне также удалось добиться некоторого улучшения питания интернированных.

В дни стоянки в Нише нас особенно беспокоило отсутствие связи с Москвой. Поскольку в Нише не было шведских представителей, мы не могли рассчитывать на их посредничество.

Мы опасались, как бы по какому-либо недосмотру немецкая колония не была бы выпущена в Турцию.

Тогда она оказалась бы на нейтральной территории, в то время как мы при переезде из Югославии в Болгарию фактически по-прежнему оставались бы в руках гитлеровцев.

Болгария, будучи союзницей гитлеровской Германии, фактически находилась на положении оккупированной страны, там были размещены крупные контингенты германских войск.

Мне снова было поручено Деканозовым отправиться в вагон представителя протокольного отдела германского МИДа барона Шольца и вновь заявить ему протест против намерения немцев произвести обмен нашей колонии на югославо-болгарской границе.

Мы потребовали также, чтобы к нам из Белграда или Со-

фии был приглашен шведский представитель, через которого мы хотели связаться с Москвой.

Барон фон Шольц был по прежнему чрезвычайно любезен.

Выслушав меня, он сказал, что немедленно передаст наше заявление в Берлин и запросит новых инструкций.

Что же касается шведского представителя, то организовать здесь с ним встречу вряд ли удастся - в Нише его нет.

Нельзя ожидать, что он сможет сюда приехать из Белграда или Софии.

Шольц заявил, что он лично понимает наше беспокойство, но вынужден действовать в соответствии с полученными из Берлина инструкциями. Попросив меня немного задержаться, он вынул из шкафчика бутылку рейнского и два бокала.

- Я давно искал возможность поговорить с вами, герр фон Козырёфф, - обратился он ко мне, выказав свою осведомлённость о наличии у меня баронского титула.

- Но все как-то не получалось, - сказал он, разливая вино. - Может быть, посидим немного? Все равно делать нечего...

Поскольку было ясно, что Шольц собирался мне что-то сообщить, я согласился задержаться.

Стоило узнать, чем вызвана его необычная любезность.

Начал он издалека. Говорил о трудностях и сложностях нашего путешествия, убеждал, что он лично всячески старается облегчить наше положение.

Он охотно помог бы и тем интернированным советским гражданам, которые едут во втором составе, но сталкивается с упорством ээсовского офицера, который командует охраной.

Поэтому ему не удалось пока что облегчить участь тех советских граждан, которые едут не в дипломатическом поезде.

Затем Шольц стал говорить о последних сообщениях с фронта и сказал, что германские войска встречают сильное сопротивление со стороны советских армий. Затем он спросил:

- Могу ли я быть с вами откровенным, герр фон Козырёфф?

- Конечно, - ответил я, подпустив некоторой благородной обиды за недоверие к носителю баронского титула.

- Видите ли, - сказал Шольц, - я всегда считал, что и для Германии и для России лучше жить в мире, чем воевать. Войны между нами всегда приносили выгоду лишь другим, а наши страны от этого только теряли.

Я сказал, что придерживаюсь такого же мнения и что Советское правительство и я лично, делали все, чтобы предотвратить конфликт. Агрессию совершила Германия, и на нее ложится вся ответственность.

- Не будем сейчас спорить об ответственности, - возразил Шольц. - Я хотел вам сказать о другом. В Германии есть люди, причем весьма влиятельные, которые не хотят этой вой-

ны. Сейчас, когда на фронте идут ожесточенные бои, подобные рассуждения могут показаться странными. Но в конце концов надо смотреть не назад, а вперед и думать о том, что будет дальше. Может настать такой момент, когда для обеих сторон будет лучше прекратить военные действия и полюбовно договориться...

Я повторил, что Советский Союз не несет ответственности за происходящую сейчас войну.

Германия вероломно напала на нашу страну, занятую мирным трудом. И нам ничего не остается, как дать отпор захватчику.

Мы уверены, что победим в этой войне, а те, кто совершил нападение на Советский Союз, горько об этом пожалеют.

Поэтому мне непонятно, о каком мирном урегулировании можно сейчас говорить.

- Видите ли, - продолжал мой собеседник, - я говорю о таком моменте, который еще не наступил, но который может произойти. Вы заявляете, что уверены в победе. А фюрер считает, что быстро справится с Советским Союзом.

- В то же время в Германии есть влиятельные круги, которые думают по-иному: они полагают, что ни та, ни другая сторона не сможет одержать победу, - пояснил Шольц.

- Тогда наступит момент, и, возможно, это будет не так уж скоро, когда обе стороны сочтут целесообразным мирно урегулировать конфликт на определенных условиях. Эти германские круги хотели бы, чтобы их точка зрения стала

известна в Москве...., - сделал предложение Шольц.

В ответ на эти рассуждения я сказал, что, как мне представляется, никакого серьезного разговора на поднятую Шольцом тему быть не может, пока германские войска не покинут советскую территорию, а на это вряд ли сейчас можно рассчитывать. Так что разговор, который затеял Шольц, мне кажется совершенно беспредметным.

Но я, конечно, доложу руководству о пробных шарах Шольца, и по возвращении в Москву об этом мной будет составлена докладная записка товарищу Сталину.

Разговоры с бароном Шольцом на эту тему состоялись еще несколько раз за время нашего путешествия.

Он вновь и вновь уверял, что не одобряет нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, и специально подчеркивал, что это не только его личное мнение, но и точка зрения влиятельных кругов в Берлине.

Он повторял, что дальнейшее развитие событий на фронте может привести к такому моменту, когда для обеих сторон станет очевидной необходимость прекращения войны и мирного урегулирования, и тогда те лица, на которых ссылается Шольц, смогут оказать соответствующее влияние и сыграть свою роль.

По-видимому, Шольц действительно выполнял поручение каких-то людей в Германии.

Иначе трудно объяснить те рискованные разговоры, которые он вел.

Он даже осмеливался рассказывать анекдоты о гитлеровцах. Рассказал, например, такой анекдот, который, впрочем, я и раньше слышал в Берлине: «Гитлер инспектирует сумасшедший дом. Выстраивают всех умалишенных, и, когда появляется фюрер, они поднимают руку в фашистском приветствии и выкрикивают: «Хайль Гитлер!» Только стоящий в стороне человек никак не реагирует на появление фюрера. К нему подбегает разъяренный Гитлер и спрашивает, почему он не приветствует его. Тот отвечает: «Простите, но я не сумасшедший, я здешний врач».

Тот факт, что уже в первые недели войны какие-то влиятельные немцы решили через барона Шольца пустить эти пробные мирные шары, мне представлялось весьма знаменательным.

Барон фон Шольц, несомненно, принадлежал к числу дипломатов «старой школы».

Таких в германском министерстве иностранных дел осталось немало. Они исправно служили Гитлеру, были, разумеется, националистами и приветствовали победы вермахта, но в глубине души им претили введенные Риббентропом грубые методы нацистской дипломатии.

Надо полагать, идеи, которые развивал фон Шольц, разделяли и многие другие политики старшего поколения, которые с большой тревогой восприняли решение Гитлера о нападении на Советский Союз.

Я же воспользовался внезапно вспыхнувшей «дружбой»

между мной и Шольцем уговорил последнего закупить продуктов для наших людей.

С этой целью в его сопровождении мы отправились в город, взяв такси.

Моей же главной целью было «засветить себя». Я был уверен, что в городе есть югославское подполье, связанное как с англичанами, так и с коммунистическими партизанскими отрядами генерала Тито.

Поэтому я развил бурную деятельность по закупке продуктов, товаров первой необходимости и одежды, для тех кто в ней нуждался.

Конечно же первыми пошли на контакт со мной местные гестаповцы. Я этого ожидал и быстро раскусил провокацию.

Дело в том, что Югославия очень своеобразная страна, она как маленький СССР, была слеплена с десятка территорий и народов после первой мировой войны. Конечно, главную скрипку там играли сербы, с которыми у России были давние и братские связи. Но были и другие народы. Некоторые из них, мягко говоря, не очень любили русских. Но всех их объединяла сейчас ненависть к немцам-захватчикам. Поэтому всякого рода провокаторы очень выделялись из общей массы. Они нарочито лезли в глаза и предлагали свои услуги, типа «связать меня с подпольем» и так далее.

Таким я неустанно отвечал: «Я дипломат и не имею права заниматься политикой».

А тем временем сводил небольшие приятельские отноше-

ния то с продавцом в лавке, то с грузчиком.

В итоге мне удалось через них передать местному сопротивлению информацию, которую следовало доставить хотя бы в посольство Швеции или США в Белграде.

Я тогда не знал, сработал ли мой план, в который я, конечно, никого тут не посвящал, но простояв в Нише ещё несколько дней, мы, наконец то, снова двинулись в путь.

Гитлеровцам не удалось осуществить свой маневр.

Им пришлось вернуться к первоначальному варианту обмена советской колонии на болгаро-турецкой границе.

Конкретные детали этого обмена мы уже обговорили со шведскими представителями, когда наш поезд находился в Софии.

Затем наш состав двинулся в сторону Турции, к болгарскому пограничному городу Свиленграду.

Спустя сутки после нашего прибытия в Свиленград подошел второй состав с членами советской колонии. Готовился обмен...

Я уже представлял, как окажусь в Москве, и моя голова снова начала работать над тем, а стоит ли мне туда ехать?

Не свалят ли на меня весь провал советской дипломатии на германском направлении?

И тут мои терзания о неизвестном грядущем грубо прервало настоящее...

- Вы есть Козырёфф?, - спросил ээсовец в чине штандартенфюрера.

После моего утвердительного кивка, мне было предложено следовать за ним.

- Уже хорошо, что не силой потащили, - подумал я.

Далее он предложил мне сесть в его «Хорьх». Я принял предложение, и мы помчались по пыльным болгарским дорогам в неизвестность... без всяких объяснений с его стороны.

И только, когда мы въехали на полевой аэродром, на котором стояли самолёты с крестами, эсэсовец сказал:

- Ваш друг из Берлина хочет срочно Вас видеть.

С этими словами он остановился у одного из самолётов, в котором я узнал двухместный учебный самолёт Arado 96.

Делать было нечего, и я стал облачаться в предложенный мне комбинезон и прилаживать парашют.

- Надеюсь это не очередной розыгрыш в стиле гитлеровских шутников, - подумал я, вспомнив жуткую историю с моим другом и личным пианистом Гитлера, несчастным Ганфштенглем. Они его тоже срочно вызвали на аэродром, посадили в самолёт и затем сбросили с парашютом прямо в расположение анархистов в Испании, охваченной войной.

Хорошо, что он догадался назвать им моё имя и его привезли ко мне в Мадрид, а не расстреляли прямо там на месте, как фашистского шпиона.

Я отогнал эти мысли и резво влез в кабину самолёта.

И вот... после семи часов лёта, с посадкой на дозаправку где то в Венгрии, я снова оказался в Берлине.

На лётном поле меня встретили эсэсовские молодчики, которые без лишних слов отвезли меня в тонированном «Мерседесе» в Главное управление имперской безопасности - руководящий орган политической разведки и полиции безопасности нацистской Германии, который входил в состав СС.

Центральный аппарат управления располагался в Берлине во Дворце принца Альбрехта, по известному адресу Вильгельмштрассе, 101, где я уже не раз до этого бывал.

Там меня перепоручили человеку в хорошем гражданском костюме, который и провёл меня прямым путём к моему другу Вальтеру Шелленбергу.

По пути я даже не пытался анализировать и строить догадки – это было в данном случае бесполезно.

Сопровождавший меня человек при подходе к известной мне двери забежал вперёд и открыл её передо мной.

Таким образом я как бы вкатился в кабинет, не задерживаясь, и первым кого я там увидел, был другой мой друг – Яков Джугашвили – старший сын Сталина!

Глава 1

Апрель 1940 год, Москва

- Яша! Ты ли это?, - хлопнул я по плечу военного, с кур-
сантаскими нашивками артиллериста.

К счастью, я не ошибся и это был мой друг Яков Джугаш-
вили – старший сын Сталина. Хотя, конечно, мог быть и
не он... Москва кишела военными.

Мы крепко обнялись и не сговариваясь пошли в сторону
ресторана Центрального аэровокзала Москвы.

Сделав заказ, мы разговорились, как это обычно бывает с
близкими людьми, которые долго не виделись.

Я знал, что Яша работал в Китае... До этого он окончил
заочно Московский технологический институт и потом тру-
дился простым инженером на одном из новых заводов брат-
ской молодой социалистической страны... тесно подружив-
шись с её молодым руководителем – сыном уже покойного
Чан Кайши.

Сына Чан Кайши мы тогда знали как Колю Елизарова. С
ним я и Яша познакомились в Москве, когда тот тут жил
в семье старшей сестры Владимира Ильича Ленина - Ан-
ны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой, фамилию которой
«Елизаров» и взял.

Коля окончил Коммунистический университет трудя-
щихся Китая, также учился в Военно-политической акаде-

мии РККА... до трагической гибели своего отца – одного из руководителей Коммунистического гоминьдана Китая.

- Колька стал большим человеком, - со значением произнёс Яша, когда мы выпили по первой «За встречу».

Я в свою очередь рассказал Яше, что направляюсь по работе в Берлин, но мой рейс задерживается.

Выяснилось, что и Яшин рейс в Ленинград тоже откладывается.

По рассказам друга, он с 1937 года живёт в Москве и работает дежурным инженером-турбинистом на электростанции завода имени его отца.

В том же 1937 году, по настоянию отца, Яков поступил на вечернее отделение Артиллерийской академии РККА.

- И когда твой выпуск?, - спросил я невзначай.

- Так через год ... на майские, - ответил безмятежно мой друг Яков Джугашвили.

Меня кольнуло смутное и неприятное предчувствие в связи с этим.

Чтобы его отогнать мы стали вспоминать то, как мы с ним познакомились и наши с ним встречи.

А было это летом такого уже далёкого 1922 года, когда московские пионеры выезжали на первые свои загородные походы с ночёвками и в пионерские загородные лагеря.

Вот так тогда началось и наше первое пионерское лето в интернате и во всей стране.

Как и обещал наш завхоз и по совместительству военрук

Петрович, нам выделили армейское имущество: палатки, инвентарь, повозки и походную кухню и другое.

Я же, будучи главным пионером интерната, выхлопотал тогда нам место под летний лагерь у деревни Ростокино, где разбил свои лагерь и Коминтерн. Как для детей своих сотрудников, так и для учащихся различных факультетов коммунистического университета. А также для различных курсов. В том числе и для обучения организации и проведения революций. Но это была тайна!

В самом начале наших лагерей нас тогда посетил неожиданный гость...

Аккурат к вечернему пионерскому костру приехал без всякого предупреждения товарищ Сталин на большом блестящем чёрном лимузине совершенно без охраны, с ним был только водитель и... чернявый паренёк лет 15-и.

Конечно, это произвело суматоху...

Но он очень вежливо и настойчиво попросил нашего директора интерната и других воспитателей заниматься своими делами и на него внимания не обращать. Те, заикаясь, сказали: «Д-д-д-А» и делали вид, что спокойно «занимаются своими делами».

Затем товарищ Сталин обратился на грузинском к паренёку, который по прежнему стоял у машины и тот робко к нам подошёл.

- Это мой Яша, - просто сказал тогда Сталин, кивнув на паренёка... по ходу раскуривая трубку.

- Сергей, - ответил я и протянул Яше руку, после пионерского салюта.

Тот некрепко её пожал и вежливо, но с акцентом ответил: «Очень приятно».

Затем, пока разгорался пионерский костёр и нехотя темнело, я провёл им экскурсию по лагерю и окрестностям.

- Сергей, пусть Яша тоже с вами побудет, - тихо попросил меня товарищ Сталин.

- Конечно... мы его и в пионеры примем, - с радостью согласился я.

- Но только после изучения всех ваших порядков и принесения клятвы, - строго сказал отец Якова Джугашвили, - как потом выяснилось, правильно было звать Яшу.

Затем мы пекли картошку в костре, которой было у нас полно... и нашей с прошлого года и крестьянской, приносимой селянами в качестве гонорара за обучение и посещение нашего театра.

Они от неё активно избавлялись в преддверии нового урожая, по принципу «на тебе Боже, что мне не гоже».

Но мы на них не были в обиде. Радовало, что не было того голода, что был до этого и она осталась.

И конечно, пели пионерские песни моего сочинения:

«Взвейтесь кострами,

Синие ночи,

Мы пионеры —

Дети рабочих!

Близится эра
Светлых годов,
Клич пионеров:
«Всегда Будь готов!»

Слова этой песни мне пришли в голову в мае.

- На одном из совещаний в Центральном комитете комсомола присутствовала жена Ленина Надежда Константиновна Крупская, которая предложила идею создания пионерской песни, - пояснил я удивлённому товарищу Сталину.

- Да... ты мастер идеи подавать, - неопределённо заметил он, неспеша чистя картоху. Видно было, что не раз этим занимался.

Яша внимательно следил за отцом и тоже старался.

Когда картошка досталась всем, я затянул новую песню, а все меня весело поддержали:

«Ну, споемте-ка, ребята-бята-бята-бята

Жили в лагере мы как-как-как,

И на солнце, как котята-тятя-тятя-тятя,

Грелись эдак, грелись так-так-так.

Наши бедные желудки-лудки-лудки-лудки

Были вечно голодны-ны-ны,

И считали мы минутки-нутки-нутки-нутки

До обеденной поры-ры-ры!

Здравствуй, милая картошка-тошка-тошка-тошка,

Низко бьём тебе челом-лом-лом.

Наша дальняя дорожка-рожка-рожка-рожка

Нам с тобою нипочём-чём-чём!

Ах, картошка, объединье-денье-денье-денье —

Пионеров идеал-ал-ал!

Тот не знает наслажденья-денья-денья-денья,

Кто картошки не едал-дал-дал!»

Затем пели революционные песни, а закончили вечерний пионерский костёр исполнением Интернационала.

Проводив тогда товарища Сталина, я отвёл Яшу в палатку, где ему выделили место. Он был доволен, что и высказал мне... немного коверкая слова, но от души.

Так я тогда подружился с сыном товарища Сталина.

Своего первого сына Сталин назвал в честь дедушки - Яковом, который и стал моим товарищем.

Оказалось, что Яша всего год в Москве, где впервые и увидел отца.

Учился он вначале там... у себя в Грузии, а потом год в Москве в школе на Арбате, а осенью поступит в техникум.

Ему у нас понравилось, и он очень быстро влился в коллектив, и мы его торжественно приняли в пионеры.

Наша пионерская жизнь шла своим чередом, устраивались совместные мероприятия с другими пионерлагерями и лагерями Коминтерна.

Всех увлекла военно-спортивная пионерская игра «Зарница». Это была адаптированная версия скаутских игр: «Захват штаба» и «Поиск вымпела».

Она растянулась почти на месяц.

Там были различные состязания. К ним нужно было подготовиться. Хотя бы научиться ездить верхом и управлять конной повозкой. А для этого уметь запрячь коня или оседлать его. Ну и обихаживать весь конский состав.

В июне все заготавливали сено для них. Косили в поймах траву. Сушили и стоговали её. Потом возили в наш интернат и укладывали на хранение на сеновале в одном из сараев дворца.

Всё это мы сейчас с Яшей вспоминали...

- А помнишь..., это было кажется в 1930 году, я месяц жил у тебя на улице Грановского в бывшем доме Шереметева?, - увлечённый воспоминаниями спросил я у Яши.

- Да, помню, - Серёга. - Там сейчас живут Хрущев, Булганин, Молотов, - добавил Яша.

Во дворе этого дома, в левом флигеле, жила Мария Сванидзе - сестра первой жены Сталина.

И вот там и жил тогда Яков, потому что Мария была его теткой, а вообще-то она была секретаршей Енукидзе, заведующей Секретариатом ВЦИКа. Я у них прожил месяц, и мы с Яшей были неразлучны.

Мы ходили с ним на соревнования по боксу, играли в бильярд в гостинице «Метрополь».

Он мог всю ночь напролет играть в бильярд, был случай, когда он сутки подряд играл в доме отдыха ВЦИКа в Горках, не выходя из него.

- У тебя какая-то особая любовь к бильярду была, ты

очень азартный игрок Яша, - сказал я ему.

- Да, я до сих пор играю, - согласился друг.

- А помнишь, Серёга, как ты меня учил водить?, - спросил Яша, улыбаясь.

Да, пришлось мне учить его вождению автомобиля, как тогда говорили, практиковать ездой на машине.

Отец подарил ему «Эмку», они тогда только появились.

И вот однажды мы собрались в Мещерино, на дачу Абея Софроновича Енукидзе.

Я сел за руль, он - рядом, и мы поехали. Когда за городом выехали на шоссе, Яша мне и говорит: «Дай-ка я сяду за руль, а ты рядом со мной и посмотришь, как я буду управлять». Я поколебался, но потом согласился. «Хорошо, - говорю, - садись, только прошу об одном: не гони».

А он как сел, как нажал на газ - я так и дрожал до самой дачи!..

А когда приехали, я вылез из машины и сказал ему: «Все, Яков, я здесь остаюсь и домой пешком пойду, но за руль тебя больше не посажу!»

Сколько он меня ни уговаривал, я его к машине не подпустил, сам испугался не на шутку - мало ли что могло случиться.

Сейчас, мы, вспомнив это, с ним смеялись, а тогда мне было не до смеху.

Не успели мы как следует наговориться, как объявили посадку на рейс до Ленинграда.

Я расплатился с официантом, но попросил его наш столик не убирать. Проводив друга до трапа, я вернулся, так как мы с Яшей, за разговорами, как следует и не поели, а дорога мне предстояла не близкая, это не 4 часа до Питера.

Продолжив трапезу, я с интересом рассматривал новое помпезное здание Аэровокзала изнутри ресторана.

По всему было видно, что вовсю уже внедрился в советскую архитектурную среду новый стиль – «Сталинский ампи́р».

Из огромного окна ресторана был виден весь аэродром. Немного в стороне стояло «старое» здание Аэровокзала, построенное кажется в 1924 году в технократическом стиле «модерн». И тогда оно вызывало гордость за молодое советское государство, осваивающее воздушное пространство.

А вообще, в народе вся эта местность именовалась «Ходынка», и такое же название «приклеилось» и к аэропорту.

Хотя он назывался имени Фрунзе. А до этого носил название имени Троцкого.

Всё это воскресило в моей памяти день, когда я заболел авиацией.

Это было летом 1924 года, 1 июня... Занятия позади, и кто-то из пионеров нашего отряда предложил сгонять на Ходынку и посмотреть на самолёты.

Я уже знал, что там был Центральный аэродром имени Троцкого, так тогда назывался аэродром на Ходынском поле

в Москве, который сейчас был имени Фрунзе.

Я захватил Яшку и к 11 часам мы были там...

Все Ленинградское шоссе пестрело оживленными группами организаций, с красными знаменами спешащих на праздник.

От Триумфальных ворот к Петровскому парку, - трамвайный затор, медленно рассасывающийся. Обычное явление для Москвы тех лет. До открытия Метро ещё 11 лет!

В одном из вагонов трамвая гремела музыка.

Это московские коммунальщики с выставленным в окно знаменем двигаются туда же, куда спешим и мы, и пешие поющие демонстранты, группы полуголых спортсменов, оживленные шумные группы юных пионеров - Ленинцев, - как наша.

Площадь перед Александровским вокзалом, к тому времени его переименовали уже в Белорусско-Балтийский, была сплошь покрыта красными кружками - это малиновые верхи фуражек железнодорожных войск, строящихся для выхода на аэродром.

У ворот аэродрома образовалась толкучка.

Пешие и конные контролеры тогда сбились с ног.

Их красные потные лица до крайности озабочены, язык и руки были в непрерывном действии.

Пестрая лава людей через двое ворот непрерывно вливалась на широкий зеленеющий ковер аэродрома и обтекала огромный четырехугольник выставленного оцепления.

Конечно, не без недоразумений.

Через оцепление прорывается внутрь организованное ка-
ре, направляясь к группе членов Реввоенсовета и ЦК, где я
вижу и товарища Сталина.

В центре группы известный мне, тогдашний Начальник
Военных Воздушных Сил СССР товарищ Розенгольц.

Один из красноармейцев оцепления погнался за ним и
кричал:

- Эй... Товарищ. Куда вы?.. Нельзя туда...

- Да ведь это же сам товарищ Розенгольц! Начальник Во-
енных Воздушных Сил!, - объяснил я ему.

Тот мне сердито буркнул:

- А мне все равно. Не приказано. А хотя...

Безнадежный взмах рукой и скороговоркой с матерком:
«Столько, мол, тут всякого большого начальства, что не зна-
ешь, как и быть» ..., - если литературно, ха-ха.

... На необозримом лётном поле были выстроены в «пе-
шем строю» в виде гигантской буквы «П» наши боевые са-
молеты.

Слева вытянулась в нитку молодая эскадрилья в соста-
ве: «Самарец – Ильичу» (Самарское ОДВФ), «Красный Во-
ронез – Ильичу» (Воронежское ОДВФ), «Земляк Ильи-
ча» (Ульяновско-Симбирское ОДВФ), и так далее...

Все эти 10 новеньких самолетов марки Р-1 изготовлены на
ГАЗ-1, - государственный авиазавод №1, в прошлом извест-
ный первенец нашего советского авиапрома - завод «Дукс».

В назначенное время, пунктуально, как всегда, прибывает на аэродром товарищ Троцкий.

Еще издали его прибытие возвещают перекаты «ура».

Рапорт.

Обход организаций и частей.

И всюду, где проходит группа членов Реввоенсовета и ЦК с товарищем Троцким во главе, - могучие вспышки «ура», мелькание над головами рук, головных уборов, платков.

Словно по пути этой группы катится что-то большое и оглушительное:

- А-аа-а!!!

Выстроенные под прямым углом спокойно и гордо стоят стальные птицы новой боевой эскадрильи, с обслуживающим их персоналом спереди.

Их черед греметь моторами еще впереди.

Вокруг подвижной трибуны-грузовика густая толпа членов Реввоенсовета и ЦК партии, делегатов XIII партсъезда и представителей, передающих самолеты организаций.

Солнышко старается во всю, даже дышать трудно.

Митинг открывает товарищ Бумажный... Мне так послышалось, хотя это мог быть товарищ Коган или Рыков. С нашего места было плохо видно. Яша во все глаза смотрит на своего отца. Тот довольно скромно стоит в стороне.

На трибуне товарищ Каменев, под непосредственным руководством которого еще не так давно дрались за рабоче-крестьянское дело красные орлы на фронтах гражданской

войны.

Товарищ Каменев - Зампред ОДВФ.

От его имени он и говорит кратко и четко:

... 1 миллион членов... 3 миллиона рублей... 31 заявка на самолеты эскадрильи «Ленин № 2»...

Выступление товарища Троцкого встречается продолжительной овацией.

Металлически звонкая, сжатая, насыщенная содержанием речь вождя Красной Армии подводит итог, год тому назад поднятой, кампании с возванием к пролетарским массам СССР: «Воздушный Флот в порядке дня!»

И выдвигает новый лозунг очередной кампании:

- Даешь мотор... Свой мотор!

- Да-еешь... мо-тор...!!!И сразу же тысячи наших пионерских глоток подхватывают:

И твердо знаем, что пройдет еще неделя-две и этот лозунг подхватит вся рабоче-крестьянская масса Советского Союза.

В самых глухих углах нашей родины отзовется эхом:

- Мо-тор.... Сво-ой. Да-а-аешь....

Дальше выступили товарищи: Калинин, Рыков, Розенгольц, представители организаций, юный пионер Филипп Моисеенко – мой знакомец, комиссар эскадрильи и, в заключение, товарищ Сталин, зачитывающий постановление съезда РКП(б). Яша плачет от счастья...

В пламенные речи представителей трудящихся - жертво-

вателей забавно вклинился тогда тоненький уверенно-звонкий голос юного пионера Филиппа Моисеенко – моего товарища, будущего советского конструктора, который «даст мотор».

Пока же пионер Моисеенко дает эскадрилье только модель самолета, который он обещает соорудить сам и говорит:

- Вы видите? ... с этой стороны написано «Ильичу», а с этой – «Филипп».

- Ильича-то вы все знаете, а Филиппа нет.

- Ну, так вот, Филипп - это я и есть...., - сказал мой друг тогда.

Взрыв смеха.

Аплодисменты...

...Разом мощно загудели восемь моторов из десяти ... два сначала «заупрямились», но скоро присоединились к остальным, и одна за другой 10 стальных птиц, по пяти в отряде, взмыли под облака, перестраиваясь и маневрируя налету.

Мы все дружно головы задрали к небу.

- Н-ну и ловко, - слышится голос Яши

- Ишь ты: даже равнение держат...

- Как есть по-журавлиному, треугольником...

- А вот и наши советские «асы» - товарищи Ширинкин, Сергеев, Писаренко поднимаются, для фигурных полетов.

От «трюков», которые они проделывают в воздухе над головами восхищенных зрителей, становится временами жутко.

В толпе разговоры:

- И как это он вверх ногами сидит и не вывалится?... А?...

- Вот так ловкач. Ишь-ишь... что выкомаривает... Ну-ну...

... Этот праздник всех Друзей Воздушного флота закончился поздно вечером полетами участников XIII Партсъезда и делегатов рабочих и крестьянских организаций, строивших самолеты «Ленина».

Мы тогда с Яшей пробрались к моему другу-«авиатору» - Фильке Моисеенко, и он нашему пионерскому отряду сделал протекцию перед товарищем Розенгольцом и нас тоже прокатили...

Вот тогда я и заболел небом...

Мы все дружно записались в общество друзей воздушного флота, сокращённо ОДВФ.

Все вместе так же... тут же записались и в Московский аэроклуб.

Но позже только я один остался в отряде лётчиков.

Другие... либо откололись на совсем, либо увлеклись авиамоделированием как Моисеенко, либо планерами, а пара ребят... повзрослее подались в отряд аэронавтики.

Им приглянулись аэростаты. – Всё таки не так страшно... на воздушном шаре или «колбасе» дирижабля, - они мне пояснили тогда. Ха-ха.

А мне повезло, что я вовремя воспользовался советом товарища Никольского и приписал себе два года до 16 лет. А

то не допустили бы потом к самостоятельным полётам даже на учебном У-8, прозванном нами «Конёк-горбунок», ха-ха.

Сейчас же, разглядывая аэродром, я в дали рассмотрел ангары ЦАГИ. Там в одном из них располагается чудо-самолёт гигант, принадлежавший агитэскадрильи имени Максима Горького. А может и сейчас принадлежит...

Это было в таком уже далёком 1925 году. Командиром агитэскадрильи был известный тогда писатель, редактор чуть ли не всех центральных журналов, член редколлегии «Правды», журналист с мировым именем и мой друг - Михаил Кольцов.

Михаил Ефимович Кольцов, настоящая фамилия его была Фридлянд, родился в 1898 году, писатель, партийный идеолог, журналист, фельетонист «Правды», основатель и редактор популярных журналов «Огонек», «Крокодил» и «Чудак», редактор журнала «За рубежом», член редколлегии «Правды», руководитель Журнально-газетного объединения и агитэскадрильи имени Максима Горького, встречал меня собственной персоной.

Два года назад был арестован и судьба его неизвестная...

Я тогда выполнял поручение Литвинова по организации показа нашего самолёта гиганта французскому премьеру Лавалю и его очаровательной дочери Луизе.

Тогда же я познакомился и с главным радистом самолёта «Максима Горького» - Лёвой. С которым судьба меня позже свела и в Испании.

- Где ты сейчас, Лёва?, - вздохнул я.

Тогда же Лёва мне рассказал, что в ознаменование со-рокалетия литературной деятельности Алексея Максимовича Горького был построен самый крупный в мире сухопутный самолет по проекту Туполева, который назвали «Максим Горький».

Я тогда внимательно слушал его и с восторгом смотрел на этого крылатого красавца...

- Ты, Сергей, только представь, - продолжал Лёва, - 52 тонны полный его полётный вес, 64 метра размах крыльев, 14 метров высота от земли, 8 моторов М-34Р, общей мощностью 6800 л. с., 12 часов беспосадочного полета с крейсерской скоростью 175 км в час.

- Ого, - воскликнул я.

- Да, Сергей, по нынешним временам всё это мировые рекорды!, - поддержал мой восторг товарищ и продолжил, указывая на самолёт:

- Вон... Сергей ... посмотри ... видишь эти восемь моторов... это наши лучшие М-34Р по 850 л. с. каждый...

- Расположены они по три в плоскостях и два на центроплане – «тандемом», то есть вместе сочлененные – один тянущий, другой толкающий, - пояснил мне Лёва технические особенности.

- Ты только Сергей представь, - продолжал Лёва, - на самолёте есть собственная электростанция на 40 киловатт, специально изготовленная для него типография с облегченным

шрифтом, позволяющая в полете печатать любые материалы, автоматическая телефонная станция на 22 номера, соединяющая все основные службы самолета, специальная кабина для машинистки-стенографистки, четырехместное купе с мягкими спальными местами, буфетная стойка с холодильником и хорошенькой буфетчицей, киноаппарат с выносным экраном, позволяющий на стоянке показывать кино для нескольких тысяч человек, и, конечно, радиооборудование...

От удивления у меня вырвалось:

- Не может быть...

На что мой друг Лёва, снисходительно хмыкнув, сказал:

- Это ерунда ... сам всё увидишь...

- А вот что действительно справедливо считается гордостью этого самолета так это... Сергей... три передающих радиостанции в диапазонах коротких, средних и длинных волн, отдельный приемный радиоцентр, состоящий из самых современных по теперешним временам аппаратов, позволяющий вести прием на автоматические записывающие приборы... - начал Лёва, как тот кулик, хвалить своё болото, чем вызвал у меня улыбку.

А я вынужден был слушать о разных технических премудростях и кивать...

- Но коронным номером в радиооборудовании «Максима», - панибратски назвал самолёт Лёва, - является «Голос с неба», - сказал он со значением.

- Какой «голос»?», - вырвалось у меня.

- В самом буквальном смысле, Сергей, - ответил Лёва и пояснил:

- Это настоящий голос с неба... На самолете, Сергей, смонтирован мощный усилитель, а в левой плоскости установлены четыре динамических громкоговорителя по 100 ватт каждый, работающие в один общий рупор...

Я своим видом видимо продемонстрировал недоверие, так как мой товарищ перешёл к примерам:

- Звуковая мощность этого устройства Сергей такая, что когда самолет летит на высоте 500–800 метров над землей, то, несмотря на шум восьми его работающих моторов и городского транспорта, громкоговорители самолета их перекрывают и разговор или музыка, ими воспроизводимые, отчетливо слышны в радиусе двух-трех километров под «Голосом с неба» даже на самых оживленных московских улицах, - торжественно, с ноткой гордости сказал Лёва.

- Дааа, настоящее чудо советской техники, - согласился я, а Лёва продолжал:

- Конечно же, Сергей, в полетах на «Максиме» испытываются главным образом основные узлы самолета, в том числе и радиоаппаратура... Но главный эффект производит «Голос с неба». Мощность звука его такова, что в такт с музыкой или речью вибрирует весь корпус самолета, - ещё один пример привёл мой товарищ.

- А что он транслирует?, - спросил я.

Лёва махнул рукой и ответил:

- Да особенным разнообразием репертуара мы москвичей не балуем... оттого, что единственными... нашими пластинками являются «Авиационный марш» и «Китайская серенада»... ну ещё вальс «Неаполитанские ночи»...

Я с пониманием покивал...

- Правда, «Авиационный марш» я остерегаюсь пускать часто, потому что в начале пластинки литавры дают такую искаженную мощность, что вылетают головки динамиков, и во избежание чего приходится очень тщательно следить за работой усилителя, - пояснил мне Лёва тонкости его работы с «Голосом неба».

Часов в десять утра прибыли высокие гости.

Лаваль и его дочь Луиза... как всегда очаровательная... поздоровались с командиром Михеевым и всеми присутствующими.

Луизе от имени экипажа поднесли громадный букет цветов. Лаваль выразил желание осмотреть «Максим Горький».

После чего делегация двинулась осматривать самолет.

Луиза протиснулась к нам с Лёвой... за ней пробрался и Антуан.

Я познакомил моего нового товарища с ними.

Языковой барьер почти не чувствовался...

Я, Луиза и Лёва были близки по возрасту... а Антуан был коллегой Лёвы, то есть тоже авиатором. И тем более все мы хорошо говорили по-английски. А вставляемые нами то

французские, то русские словечки наоборот скрашивали наше общение.

Не знаю, конечно, искренне ли, но Лаваль остался в восторге от машины. Затем должны были состояться полеты, и бестактный солдафон, начальник ЦАГИ Харламов, предложил министру совершить полет на «Максиме».

Тот дипломатично ответил, что был бы счастлив, но его ожидает к завтраку мсье Булганин, и он своей задержкой боится обидеть любезного хозяина Москвы.

Вместо себя он предложил корреспондента «Пари Суар» Антуана де Сент-Экзюпери и свою дочь Луизу. Я также изъявил желание полетать...

Никто мне перечить не мог... и разрешение, конечно, было дано, и Сент-Экзюпери с Луизой стали первыми иностранцами, которым удалось совершить полет на «Максиме Горьком».

Завтрак в честь Лавалья у Булганина планировалось провести на крыше здания Моссовета на Тверской улице.

По программе мы должны были дважды пролететь над ними и сыграть через «Голос с неба» сначала «Марсельезу», а затем «Интернационал», но составители программы не учли того, что грампластинки с «Марсельезой» не оказалось не только на «Максиме», но даже в фонотеке Радиокomiteта.

- Где же её достать?, - спросил у меня Фролов, - Не просить же у французов!, - добавил он сконфужено.

Назревал международный скандал, потому что включить

«Интернационал» дважды было нельзя.

Фролов тут же предложил не играть ни «Марсельезу», ни «Интернационал», а оба раза включить авиационный марш «Все выше».

- Нет, товарищ Фролов, - сказал я веско, - скандал мы недопустим...

И обратился к Луизе с предложением прокатиться, пока готовят самолёт к полёту, по утренней Москве до их посольства и одолжить у них пластинку с «Марсельезой».

Что я с ней и исполнил... и не только... Девочка осталась довольна скоростной прогулкой, мороженым и скромными цветочками... нечета конечно официальному букету, что ей вручили перед этим...

По прибытии назад, мы все быстро погрузились в самолёт и отправились в полёт.

Поскольку из кабины Лёвы открывался наиболее удобный круговой обзор, то мы попросились устроиться у него.

Он, конечно, возражать не стал, так перед этим там уже расположился Антуан.

- Я...Сергей... тут ... для того чтобы не давать Антуану скучать, пока вас не было, мобилизовал все свои запасы дикой смеси английского, французского с нижегородским, - смеялся мой товарищ Лёва.

Несмотря на то, что сам Сент-Экзюпери утверждал, что он был абсолютно неспособен к усвоению иностранных языков, я беру на себя смелость заявить, что это не совсем так.

В беседе с Лёвой он употреблял уже довольно много русских слов, и они с ним за час до полета, пока нас с Луизой не было, сумели объясниться по всем вопросам, интересующим «высокие договаривающиеся стороны».

И он настолько остался доволен Лёвиным обществом, что даже дал ему свою визитную карточку.

Про что Лёва тут же мне похвастался:

- Сергей, он, наверно, узнал, что после приемки самолёт полетит в Париж на авиационный салон и поэтому пригласил посетить его в Париже?, - спросил у меня довольный Лёва.

Но затем мой новый друг разразился грустной тирадой:

- К сожалению, Сергей, я не смог Антуану ответить взаимностью, так как, во-первых, визитных карточек у меня отродясь не было... и во-вторых... я даже пригласить его к себе на квартиру в гости... где восемь человек живут в одной комнате, да еще и с туалетом во дворе, я, конечно, Сергей тоже не решился.

- Не кручинься, - сказал я Лёве сочувственно и похлопал его по-дружески по плечу, - всё у тебя будет... какие твои годы!

И вот мы все уселись в носовом салоне «Максима Горького» и оттуда наблюдали за взлетом. Самолет мощно вздрогнул, и мы все почувствовали, как быстро этот монумент поднимает в воздух свое основание весом в сорок две тонны. Мягкость взлета меня поразила.

Пока самолёт разворачивался, чтобы лететь к Москве, мы

отправились по нему на прогулку.

С чистой совестью можно называть наш осмотр самолёта-гиганта прогулкой, потому что во время полета мы осмотрели одиннадцать основных отсеков, связанных между собой автоматической телефонной связью.

Мало этого, телефонную связь дублировала система пневматической почты, обеспечивая возможность передавать еще и письменные распоряжения. Самолет потрясал своей величиной – помещения располагались не только внутри фюзеляжа, но и в крыльях!

Мы осмелились войти в коридор левого крыла, и я стал открывать одну за другой двери, выходящие в него.

За дверями открывались комнатки, потом помещения для моторов, каждый мотор был изолирован от других.

Нас догнал инженер и показал электростанцию.

- Электростанция снабжает током не только радиотелефон, громкоговоритель и взлетное устройство, но еще и восемьдесят осветительных точек, общей мощностью двенадцать тысяч ватт, - пояснил он нам.

Мы осматривали самолет уже четверть часа, погрузившись в его нутро, словно в трюм корабля, и нам всё время светил электрический свет.

Мы просто купались в неутомимом и победительном пении моторов. Навстречу нам попались телефонисты, я заметил, что есть помещения с кроватями, видел механиков в синих брезентовых костюмах.

Но больше всего я умилился, когда мы обнаружили небольшой кабинет и в нем юную машинистку, которая печатала что-то на машинке...

Но вот мы снова в носовом отсеке и нам снова светит дневной свет.

Москва медленно разворачивается под крылом. Бортовой командир, сидя в уголке салона, передает по телефону распоряжения пилотам.

С радиопоста по пневматической почте ему поступают сообщения.

- Сергей, - обратился ко мне восторженный Антуан, - всё это вместе создает у меня ощущение сложного механизма, сложно организованной жизни парящего гиганта, какой у меня в полете никогда не было..., - выплеснул он свои эмоции.

Мы снова все уселись в кресла... Я закрыл глаза. Через спинку кресла до меня доходили послания восьми моторов. Я чувствовал, как струится по моему телу живая горячая вибрация. Мысленно видел перед собой электростанцию, снабжающую всё вокруг светом, вспоминал отсеки с моторами, жаркие, словно печи. Мою руку поглаживала рука Луизы...

И снова я открыл глаза... Луиза было тоже в полном восторге.

В широкое окно салона проникал голубой свет, а мы будто заняли место на террасе дорогой гостиницы и сверху ози-

рали землю.

Привычное устройство тяжелого аппарата, в котором кабина пилота, бортовое оборудование и пассажирский салон составляют целое, в этом самолете отсутствовало.

Отдельно салон управления, отдельно холл, где можно отдохнуть, есть, пить, мечтать...

Мои невесёлые мысли прервали громкие ... просто сотрясающие звуки «Марсельезы»... - гимна Франции. Это мы подлетели к месту завтрака Булганина с Лавалем...

Потом зазвучал «Интернационал»... - гимн СССР.

За ним конечно же «Всё выше...выше и выше». Вот так мы стали свидетелями работы «Голоса неба».

Сделав круг над Москвой, гигант отправился на свой аэродром... Прогулка окончена. Луиза и Антуан были в восторге.

Тепло тогда попрощавшись с Лёвой и всеми членами экипажа и руководства ЦАГИ, мы покинули аэродром.

За такими вот приятными воспоминаниями незаметно пролетело время и объявили посадку на мой рейс до Берлина.

Глава 2

Берлин меня встретил хоть и тёплой, по сравнению с Москвой, погодой, но пасмурной.

Меня никто не встречал, так мой визит был рабочим, можно сказать частным, то есть без указания цели.

Взяв такси, я отправился в наше полпредство.

Я знал, что Шкварцева там сейчас нет, так как он ещё в Москве, поэтому и представляться официально мне вроде как и некому.

Заняв одну из гостевых комнат, я дал указание секретариату полпредства договорится на завтра о приёме меня Риббентропом.

А сам, отдохнув и переодевшись, отправился в ресторан фешенебельного отеля «Адлон». Там собиралась вся журналистская публика Берлина.

Вечер был мрачным и для Берлина прохладным, но дождь прекратился.

Классическая музыка лилась из репродуктора, небольшая милая вещица Гайдна.

Унтер-ден-Линден заполнена народом. - Все-таки немцы самые некрасивые люди в Европе, - мелькнула мысль. Ни одной симпатичной женщины на всей Линден. Вероятно, их ужасная одежда усиливает это впечатление.

На улицах относительно мало солдат.

- Мало увольнительных? Почему? Наступление скоро?, - проносились в голове мысли.

Я удивился, до чего обветшал дворец Кайзерпалас, расположенный в конце Линден.

Штукатурка везде обваливается. Вид очень неряшливый. Разваливается на части каменная ограда балкона, на который Вильгельм II совершил свой знаменитый выход в 1914 году, чтобы объявить беснующейся у его ног толпе о начале войны. Что ж, когда началась эта война, они не бесновались под балконом Гитлера.

Я пытался прочесть на лицах людей, о чем они думают в этот обычный день войны.

Но лица их выглядели пустыми. Война им явно не нравится, но они будут делать то, что им прикажут. Например, умирать.

С таким мрачным настроением я вошёл в ресторан.

Первым, кого я там встретил, был американский репортёр Уильям Ширер.

- На мой дежурный вопрос «как дела?», американец вместо обычного их «всё окей», разразился:

- Серж, ты слышал, немецкое национальное агентство сообщает сегодня: «На некоторых участках фронта вдоль Верхнего Рейна с французской стороны прошли демонстрации против войны, которую ведут англичане, что ясно показывает, какой глупостью считают французские войска то, что Германия и Франция из-за происков Британии оказались

врагами»?

Я, пожав плечами, ответил:

- Уильям, меня интересуют дела в Скандинавии.

Тот кивнул и сказал:

- Германия не может продолжать войну без поставок шведской железной руды. Большая часть этой руды отгружается в порту Нарвик на германские суда, которые ускользали от блокады, проходя вдоль побережья Норвегии в трехмильной зоне, где им не угрожал британский флот.

- Мы тут гадали, почему Черчилль никогда не мог с этим ничего поделать.

- Теперь начинает казаться, что может, - заметил я.

- На Вильгельмштрассе заявляли, что за ним следили, - сообщил Уильям.

- Для Германии это вопрос жизни и смерти, - согласился я.

- Гордон уверял меня: если британские эсминцы войдут в норвежские территориальные воды, Германия начнет действовать, - сказал Уильям.

- Мне тогда было неясно только, каким образом. Германский флот уступает британскому, - добавил он.

- А теперь ясно?, - спросил я.

- На этой неделе, в тексте своего ночного эфира я сказал: «Кое-кто здесь считает, что война может распространиться на Скандинавию. Сегодня в Берлине прошло сообщение, что на прошлой неделе эскадра, состоящая по крайней мере из девяти британских эсминцев, сосредоточилась у норвежско-

го побережья и немецкие суда, перевозящие руду, несколько раз получали предупредительные выстрелы... Отсюда дело выглядит так, что нейтральные страны, особенно Скандинавские, могут в конце концов оказаться втянутыми в конфликт».

- Да ты провидец, - похвалил я его.

- Я частенько вставляю подобные абзацы, чтобы проверить реакцию военного цензора. Он ни разу не возражал, что весьма интересно, - сообщил американец с довольной миной.

Затем он, как истинный американец перешёл к делам, касающихся их:

- Вчера вечером, Серж, нацисты громогласно объявили о том, что, по их мнению, должно было произвести в Америке эффект разорвавшейся бомбы.

- Сегодня это больше напоминает бумеранг. И прекрасный образчик грубой дипломатической ошибки Германии.

- И что же произошло?, - поддержал я тему.

Уильям, отхлебнул со своего бокала, пустился в рассказ:

- Министерство иностранных дел рейха опубликовало новую «Белую книгу», содержащую шестнадцать документов, якобы обнаруженных нацистами в польском МИДе.

- Риббентроп говорит, что это секретные донесения польских дипломатов.

- Наиболее важные - от польских послов в Лондоне, Париже и Вашингтоне.

- В них упомянуты американские послы Кеннеди, Буллит и Биддл, и суть их в том, что эти дипломаты, за спиной которых стоял Рузвельт, были главными участниками преступного сговора навязать нынешнюю войну Германии!

Я сказал ему:

- Что-то такое я слышал ещё летом прошлого года.

Но Уильям, как истинный американец, предавал анафеме всё, что шло в разрез с установками их Госдепа:

- Хотя кажется невероятным, что немцы способны на такую глупость, но мои знакомые из министерства иностранных дел говорят, что Риббентроп всерьез полагает, будто эти «разоблачения» сделают позицию Рузвельта настолько несостоятельной, что его поражение, или поражение его кандидата, если он не будет баллотироваться, обеспечено.

Я, согласно кивнув, заметил:

- Почувяв, что в Америке сильны настроения остаться в стороне от войны, Риббентроп решил, что такие «документы» будут отличным подспорьем для американских изоляционистов. Они убедят американский народ, что Рузвельт и назначенные им послы не только приложили руку к развязыванию войны, но и сделали все, чтобы втянуть в нее нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.